ло разгуляться въ теченіе лѣта, когда вся степь лежала голая, покрытая только кое-гдѣ рѣдкими кустарниками пожелтѣвшей травы. За то, какъ я говорю, и сѣвъ у насъ кончился рано: почти всѣ уже отсѣялись, тогда какъ сплошь да рядомъ у насъ сѣютъ почти во всю зиму, а въ ноябрѣ и декабрѣ и съ половины февраля начинаютъ уже сѣять на яровое. Конечно, какъ говорится, бабушка на двое еще сказала, все зависитъ теперь отъ того, будутъ ли въ маѣ дожди, но уже хорошо и то, что можно надѣяться, можно ожидать лучшаго, а то трудно было надѣяться на что-нибудь глядя на поля нынѣшнимъ лѣтомъ, когда собрали только сотое зерно.

Продажи хлѣба у насъ совсѣмъ нѣтъ. Цѣны все падаютъ. Въ Евпаторіи, ближайшемъ отъ насъ портовомъ городѣ, куда мы преимущественно веземъ хлѣбъ, цѣны на пшеницу стоятъ теперь 73—75 коп. пудъ. А она себѣ дороже, съ высокою сравнительно арендною цѣной и дороговизной рабочихъ рукъ. Но нечего дѣлать: продаемъ и въ убытокъ, только чтобы выручить деньги для разсчета рабочихъ. Про другіе хлѣба не говорю: у насъ сѣютъ ихъ очень мало. Нашъ коренной хлѣбъ пшеница. И такъ, всѣ наши надежды на будущій годъ.

А пока у насъ остается одно занятіе, а рабочимъ рукамъ одинъ заработокъ—соль. Мы выволакиваемъ ее до сихъ поръ, благо лѣто вышло такое что не родило хлѣба, а родило одну соль. Пласты, отъ отсутствія дождей, дошли за лѣто до полуаршинной толщины. За то всѣ, и старъ и младъ, на соли, благо всѣ нужны и всякому дается работа. Соли наставили видимо-невидимо. Не знаю, кому будутъ ее продавать. Цѣны и тутъ стоятъ такія, что опять „себѣ дороже". Да и старой соли отъ прежнихъ лѣтъ стоитъ еще порядочно.

А осень несетъ уже свои бури. Негостепріимно у насъ въ это время Черное Море, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Въ глухія зимнія ночи бѣшеные валы его лѣзутъ на берегъ сажень на 50. Вчера разыгралась первая буря. Вѣтеръ, выражаясь морскимъ языкомъ, дулъ чуть ли не на всѣ полныхъ 12 балловъ. Въ полѣ стоять было невозможно: сшибало съ ногъ. Въ деревнѣ разсыпано много скирдовъ. Саки отстоятъ отъ моря на 6 верстъ, а волны были таковы, что я видѣлъ ихъ изъ окна моего дома; точно бѣлыя горы поднимались онѣ на горизонтѣ. Уже къ полудню три судна около обѣихъ пристаней были выброшены на берегъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній я не получалъ и самъ еще не могъ съѣздить къ морю, оттого что противъ вѣтра проѣхать по полю не было возможности. Нынче вѣтеръ уже стихъ, но море волнуется по прежнему, попрежнему я вижу его сѣдыя гривы, а въ воздухѣ стоитъ не переставая глухой гулъ, подобно отдаленному грому. Много любопытныхъ навѣрное перебываетъ сегодня на берегу.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ печальныхъ и славныхъ воспоминаніяхъ, хотя о торжествахъ, выпавшихъ недавно на долю Крыма, вы конечно знаете уже по телеграфу. 25 сентября, въ присутствіи Великаго Князя Алексія Александровича, была совершена въ Севастополѣ, на Мортоновомъ элингѣ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, одномъ изъ лучшихъ въ Европѣ, закладка двухъ броненосцевъ: *Чесмы* и *Синопа*. По своему значенію эта закладка новаго Черноморскаго флота на мѣсто стараго славнаго традиціями, богатаго боевыми воспоминаніями, должна имѣть важность для всей Россіи. А наканунѣ, 24 сентября, совершилось другое торжество, другая закладка сухихъ доковъ, въ Севистонѣ, тѣхъ знаменитыхъ сухихъ доковъ, которые еще при своей первичной закладкѣ 50 лѣтъ тому назадъ обращали на себя вниманіе образованной Европы и печальная кончина которыхъ достойна неувядаемой славы. Они буквально „отцвѣли не успѣвъ разцвѣсть". Поглотивъ громадную сумму денегъ, они были открыты только въ 1853 году и тогда былъ введенъ въ нихъ первый корабль, а два года спустя они попали во власть непріятеля вмѣстѣ со многострадальнымъ Севастополемъ. Ихъ пощадили во время бомбардированія союзныя бомбы, но не пощадили Англичане. Ожесточенно, по кусочкамъ, по частямъ взорвали они ихъ, подведя въ разныхъ мѣстахъ множество минъ.

А еще немного раньше, въ началѣ сентября, было освященіе памятника на мѣстѣ нашихъ убитыхъ въ первомъ сраженіи съ союзниками. Красивое сооруженіе воздвигнуто на самомъ мѣстѣ битвы, недалеко отъ впаденія Альмы въ Каламитскій заливъ, около деревни Біюрлюкъ. Здѣсь начали мы ту великую эпопею, которая зовется Крымскою войной. Тутъ стояли Русскіе подъ выстрѣлами вдвое сильнѣйшаго непріятеля, подкрѣпляемаго огромнымъ флотомъ. Недалеко отъ этого мѣста, около татарской деревни Алма-Тамакъ, стоитъ другой памятникъ въ видѣ саркофага изъ сѣраго гранита, поставленный Англичанами на память о своихъ соотечественникахъ, павшихъ въ Альминскомъ бою.

Съ другой стороны Севастополя, на выѣздѣ изъ Байдарской долины, почти рядомъ стоятъ еще два памятника: одинъ выстроенный Италіанскимъ правительствомъ въ память воиновъ Сардинской арміи, павшихъ во время Крымской войны, построенъ изъ Крымскаго мрамора на томъ самомъ холмѣ, который во время войны былъ извѣстенъ подъ названіемъ Пьемонтской обсерваторіи, и освященъ 16 августа 1882 года, а другой памятникъ стоитъ недалеко отъ этого и воздвигнутъ Англичанами „въ память тѣмъ, которые пали въ Балаклавскомъ сраженіи". Ко всѣмъ этимъ памятникамъ прибавьте еще чудный памятникъ-храмъ надъ „братскою могилой" въ Севастополѣ. Далеко, откуда ни посмотри, красивый порфиръ его стѣнъ, взятый съ вершинъ Кастель горы, близь Алушты, виденъ сквозь зелень молодой растительности. Да и самъ Севастополь, который до сихъ поръ „еще лежитъ какъ трупъ безглавый", самъ онъ не представляетъ ли одинъ гигантскій памятникъ!... М. В.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— *Парижскія крысы.* Бичъ всѣхъ большихъ городовъ, въ особенности современнаго Парижа, это—крысы, населяющія въ безчисленномъ множествѣ сѣть сточныхъ трубъ французской столицы и могущія представить дѣйствительную опасность для города, еслибы противъ этихъ вредныхъ для человѣка животныхъ не принимались мѣры. Не рѣдко случается, что вечеромъ изъ сточныхъ трубъ выходитъ на улицу по нѣскольку десятковъ и сотъ крысъ, съ чрезвычайною дерзостью прогуливающихся по мостовой. Муниципалитетъ содержитъ своры собакъ-крысоловокъ, при помощи которыхъ въ подземныхъ галлереяхъ отъ времени до времени предпринимается загонщичья охота, дающая въ результатѣ по нѣскольку десятковъ тысячъ труповъ, которые спускаются въ Сену. Въ декабрѣ 1849 г. такое истребленіе происходило нѣсколько дней сряду, и столица была освобождена отъ 240,000 этихъ безпокойныхъ обитателей. Но природа щедро вознаграждаетъ преслѣдуемую расу за такіе уроки, ибо каждая самка производитъ въ годъ отъ 30 до 50 дѣтенышей. На-дняхъ еще въ Парижѣ происходила одна изъ такихъ облавъ, производящихся обыкновенно такимъ образомъ: въ какомъ нибудь пунктѣ большой сточной трубы ставится батардо (рѣшетка), позволяющая стоку водъ, но препятствующая проходу крысъ. Служебный персоналъ, занявъ позицію въ разстояніи одного километра отъ этого пункта, гонитъ передъ собою армію грызуновъ, путь для которой заграждается упомянутымъ батардо. Тогда выпускается около ста собакъ и начинается бой; кровь течетъ съ обѣихъ сторонъ, но въ концѣ концевъ собаки остаются побѣдительницами. Тогда открываютъ шлюзъ и сильнымъ теченіемъ воды тѣла побѣжденныхъ уносятся въ Сену. Вотъ что говоритъ собственно о парижской крысѣ газ Petit Parisien: «По свидѣтельству Туссенеля, парижская крыса есть продуктъ послѣдовательныхъ набѣговъ варваровъ на Францію. Вотъ еще одна изъ обратныхъ сторонъ этихъ набѣговъ, пренебрегаемая до сихъ поръ историками. Каждое занятіе поверхности почвы сопровождалось занятіемъ подпочвы. Такъ у насъ была крыса Готовъ, крыса Вандаловъ, крыса Гунновъ; есть крыса нормандская, англійская, крыса монгольская, московская. Искони вѣковъ крысы считаются страшными врагами человѣчества, часто на нихъ смотрятъ даже какъ на орудіе небеснаго мщенія. И въ самомъ дѣлѣ, древняя исторія повѣствуетъ, что Сеннахерибъ, ассирійскій завоеватель, потерялъ свое войско (712—707 г. до Р. Х.) отъ полевой египетской мыши, которая въ одну ночь перегрызла всѣ тетивы луковъ и всѣ ремни щитовъ ассирійскихъ. Плиній въ своей «Естественной Исторіи» разсказываетъ участь цѣлыхъ городовъ, раззоренныхъ крысами; да и не заходя такъ далеко, разве не случалось иногда въ новѣйшія времена, что эти ужасныя животныя разрушали плотины гаваней. Первая акклиматизировавшаяся во Франціи крыса была коричневая; породы этой въ настоящее время почти нѣтъ. Коричневая крыса пришла съ Вандалами въ V столѣтіи и властвовала въ теченіе долгаго времени, но въ 1647 г., незадолго до фронды, въ Парижѣ открыли новую породу крысы, такую же прожорливую, какъ и прежняя. Характеристическою ея чертою было то, что она никогда не упускала случая выказать свою ненависть къ противницѣ въ ожесточенныхъ битвахъ, въ которыхъ коричневая крыса всегда оставалась побѣжденной. Новопришедшія крысы въ свою очередь быстро размножались; онѣ были сѣро-желѣзнаго цвѣта, почему ихъ назвали „вулканами". Скоро узнали, что эти крысы пришли вмѣстѣ съ нѣмецкими ландскнехтами, шайки которыхъ разгуливали по Франціи въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія; крысы слѣдовали за ними, пожирая на дорогѣ ихъ кожанную аммуницію и съѣстные припасы. Эта сѣро-желѣзнаго цвѣта крыса, зайдя во Францію, почуяла, что въ такой богатой, плодородной странѣ ей будетъ раздолье, накинулась на поля и достигла наконецъ Парижа. Но это былъ еще только авангардъ. Сто лѣтъ спустя послѣдовало великое нашествіе: нашествіе большой полевой мыши или азіатской крысы; порода эта существуетъ до сихъ поръ, имѣя главное мѣстопребываніе въ Парижѣ около рынковъ, гдѣ жизнь ея вполнѣ обезпечена. Этотъ новый набѣгъ сдѣланъ крысами изъ-за Каспійскаго моря. Въ 1725 г. въ тѣхъ краяхъ были страшныя землетрясенія; напуганныя ими крысы рѣшились покинуть эти опасныя мѣста и массами эмигрировали. Часть ихъ достигла Сибири. Другая часть закаспійскихъ крысъ перешла на суда, стоявшія на якорѣ въ Волгѣ, затѣмъ на этихъ же судахъ направилась къ берегамъ Европы, гдѣ и высадилась. Наголодавшись дорогою, во время этого продолжительнаго переѣзда, закаспійскія крысы тотчасъ послѣ высадки произвели нашествіе на Англію и Францію. Коричневая крыса, почти уже выродившаяся, не могла, разумѣется, устоять противъ новаго Аттиллы, болѣе сильнаго и лучше вооруженнаго: она была уничтожена, а господство перешло къ азіатской крысѣ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ,—говоритъ Туссенель,—азіатская или закаспійская крыса проникла во всѣ столицы. Трудно сказать, на чемъ можетъ остановиться этотъ подземный прогрессъ. Парижъ дрожитъ передъ мыслью, что когда нибудь онъ составитъ новую главу въ исторіи, разсказанной Плиніемъ о городахъ, разрушенныхъ крысами. Нынѣшнія крысы наполняютъ цѣлыми полчищами всѣ наши сточныя трубы и новыя бойни, подобно тому, какъ они одолѣвали старинныя бойни. Во время существованія монфоконской живодерни, было высчитано, что эти ужасныя животныя истребляли ежегодно около 6,000,000 килограммовъ мяса. Оригинально было бы зрѣлище, если бы въ одинъ прекрасный день милліоны этихъ хищниковъ вышли на улицы. Каждому изъ насъ пришлось бы отбиваться отъ нападенія нѣсколькихъ крысъ». Р. В.

Печ. въ Курской Губернской Типографіи. За редактора Федоровскій.